

Белорусская и литовская терминологии: сравнительный аспект

ВЯЧЕСЛАВ ЩЕРБИН

*Институт языка и литературы Национальной академии наук
Беларуси*

В периоды резких социальных сдвигов, которым неизменно сопутствует быстротекущее изменение мировоззренческих основ, наивной и научной картин мира и даже давно сложившихся дисциплинарных парадигм (в том числе и лингвистической парадигмы), у исследователей из стран, переживающих переходный период, появляется острая методологическая потребность опереться в своих поисках на устоявшееся и оправдавшее себя на практике научное знание. Именно опора на такое апробированное временем и международной научной практикой знание (порой его называют международной научной традицией) позволяет исследователю не растратить отведенные жизнью время и силы на что-нибудь «модное», но не очень существенное для развития избранной области знаний. Такое общепризнанное мировым научным сообществом знание или международная научная традиция, как правило, формируется на протяжении десятков и даже сотен лет как результат труда нескольких поколений исследователей разных стран мира, направленного на сохранение и передачу своим преемникам всего самого ценного из накопленного научного опыта. Формой выявления такого общепризнанного научного знания выступают дисциплинарные межгосударственные сравнительные исследования, а также международные научные конференции со сравнительной тематикой, аналогичные той конференции, которая проводилась Вильнюсским университетом в ноябре 2008 г. и была посвящена проблемам взаимодействия языков и культур литовцев и славян.

Нам уже доводилось писать о современном состоянии сравнительного обществоведения в странах Содружества Независимых Государств (Щербин 2001), развитию которого препятствует сохранившаяся еще с советских времен обособленность социогуманитарной науки стран

СНГ от обществоведения наиболее развитых в научном отношении стран мира, в связи с чем далеко не все достижения и наработки мировой социогуманитарной мысли являются доступными для сравнительного изучения в странах СНГ. Психологические причины сохранения этой социогуманитарной обособленности стран Содружества раскрыл известный белорусский философ, академик А. А. Михайлов: «...в нашей недавней истории содержание гуманитарного знания формировалось в течение длительного времени в атмосфере воинствующего противостояния и радикального выпадения из всего того, чем жило и живет профессиональное сообщество. В этом смысле мы являемся наследниками такого состояния гуманитарных наук, которое, по существу, знанием не является... Первым и необходимым шагом на пути преодоления кризисного состояния нашей гуманитаристики является изживание в нас самих все еще имеющей место неосведомленности о новейших тенденциях исследований в области гуманитарных дисциплин, в которой мы пребываем» (Михайлов 2000: 415–416).

На наш взгляд, формированию адекватного представления о новейших тенденциях в развитии зарубежных социогуманитарных наук максимально способствует проведение межгосударственных сравнительных исследований с использованием доступных отечественных и зарубежных данных об истории и современном состоянии этих наук. В пользу такого вывода свидетельствует богатый опыт проведения межгосударственных сравнительных исследований, накопленный в западноевропейских странах и странах Северной Америки. В этих странах компаративистика (или сравнительное обществоведение) активно развивается с начала XX века: а) регулярно проводятся международные конгрессы по сравнительному правоведению, литературоведению, философской компаративистике (гавайские конференции), сравнительной культурологии, лингвистике, историографии, социологии и другим социогуманитарным наукам; б) создаются разнообразные университетские кафедры и институты компаративистского профиля, общественные ассоциации гуманитариев-компаративистов (например, еще в 1954 году было основано Французское общество сравнительного литературоведения); в) издаются многочисленные журналы по социогуманитарной компаративистике: *Сравнительное право* (Париж), *Ежеквартальный журнал компаративистской философии* (на Гавайях), *Сравнительные политические исследования* (Калифорния), *Междуна-*

родный журнал сравнительной социологии (Лейден), Журнал сравнительной экономики (Сан-Диего), Журнал сравнительной психологии (Вашингтон) и другие.

Нет сомнений, что неоценимую пользу применение сравнительного подхода может оказать и в процессе изучения терминографической практики разных стран мира, поскольку количественные и качественные различия, существующие между национальными терминографиями таких стран, порой обусловлены не столько состоянием и уровнем развития терминоведческой и терминографической теории в этих странах, сколько масштабами организационной структуры, кадрового потенциала, финансового и информационного обеспечения той или иной национальной науки, наличием национальных научных традиций, признанных научных школ и т. п. экстралингвистическими обстоятельствами. Однако, для того, чтобы проведение межгосударственных сравнительных исследований в области терминографии дало положительный результат, необходимо продуманно подойти к выбору узкодисциплинарных критериев таких межгосударственных сравнений, соответствующим образом обосновать цели и причины проведения межгосударственных сравнительных исследований. В частности, знакомство с имеющимся опытом западноевропейской компаративистики показало, что «существуют две главные причины проведения специфических межгосударственных сравнений. Одна из них связана с эмпирическим тестированием различных объясняющих гипотез, которые якобы выходят за пределы государственных границ... Вторая причина необходимости проведения специфических межгосударственных сравнений состоит в том, что лучше всего можно определить как доказательное разъяснение. Центральной задачей такого анализа является углубленное понимание особенностей какой-либо страны путем сопоставления ее опыта с опытом других государств» (Сандерс 1995: 32). В зависимости от того, какие цели – теоретические (проверка гипотезы, теории и т. п.) или практические (например, определение степени эффективности проводимой в стране терминографической работы) – ставятся при проведении сравнительного межгосударственного исследования, зависит выбор используемых в таком исследовании методов и критериев.

Нами в процессе проведения сравнительного изучения белорусской и литовской терминографий ставилась чисто практическая цель – опре-

делить, какая из двух названных национальных терминологий развивается более динамично и продуктивно. Соответственно поставленной цели подбирались следующие атрибуты исследования: а) метод попарного сравнения белорусских и литовских данных (о разных сторонах развития национальных терминологий двух стран), отобранных при помощи того или иного критерия; б) сам набор таких критериев (количественный, хронологический, лингвистический, типологический критерии и критерий реестрового объема терминологических словарей).

Названный выше метод и указанный набор критериев были уже опробованы нами в рамках ранее проведенного межстранового сравнительного исследования на материале белорусской и украинской терминологий (Щербин 2005). И как показали результаты этого сравнительного исследования, данные метод и набор критериев обладают высоким эвристическим потенциалом. В частности, их использование позволило выявить, что «украинская терминология богаче белорусской по составу включаемых ею специальных словарей разных типов и соответственно по перечню представляемых ими терминологических направлений» (Щербин 2005: 30). Отмеченные выше достижения украинских терминографов «являются результатом хорошей организации терминологической работы в Украине» (там же: 30), основу которой составляет следующее: а) наличие государственного Комитета научной терминологии в Украине; б) наличие отдела терминологии в Институте украинского языка НАН Украины; в) регулярное (раз в два года) проведение всеукраинских съездов терминологов и публикация их материалов в полном объеме, а также многое другое, что, к сожалению, отсутствует в терминологической практике Беларуси. Поэтому сравнительное изучение белорусской и украинской терминологий способствовало выявлению и устранению ряда недостатков в работе отечественных терминографов.

Аналогичным образом, у нас были все основания надеяться, что сравнительное изучение белорусской и литовской терминологий тоже окажется весьма продуктивным и позволит внести в терминологическую практику Беларуси соответствующие коррективы, которые будут сформулированы с учетом достижений наших литовских коллег. Проведению такого сравнительного исследования двух названных национальных терминологий в значительной мере способствовало недавнее издание достаточно полных библиографических

указателей по терминологии Беларуси и Литвы – двух белорусских указателей (Чарняўская, Цыхун 2000; Кіпель, Саўка 2002) и одного литовского указателя (Gaivenytė-Butler, Keinys, Noreikaitė 2008). Вместе с тем, следует сказать и о том, что указанные белорусские и литовский библиографические указатели отличаются между собой по ряду параметров:

а) у них разные хронологические рамки охватываемого терминологического материала (два белорусских указателя в совокупности включают данные о терминологических словарях, изданных за период с середины XIX века до 2002 года включительно, а литовский указатель содержит данные о терминологических словарях, опубликованных за время с 1900 по 2005 год включительно);

б) у них разная структурная организация (в белорусских указателях терминологические данные даются в алфавитном порядке, т. е. по алфавиту фамилий авторов и названий терминологических словарей, а в литовском указателе такие данные приводятся в хронологическом порядке, т. е. по годам издания терминологических словарей);

в) в их основу положены разные принципы подачи терминологического материала: самый полный белорусский указатель (Кіпель, Саўка 2002) содержит информацию не только об отдельных книжных изданиях терминологических словарей, но и о прикнижных и приставочных терминологических словарях. Второй белорусский указатель (Чарняўская, Цыхун 2000) и литовский указатель (Gaivenytė-Butler, Keinys, Noreikaitė 2008) включают сведения только о таких терминологических словарях, которые опубликованы в виде отдельных книг;

г) у их составителей было разное понимание границ терминологической лексики (именно этим, на наш взгляд, объясняется то, что сведения об изданном в Литве переводном словаре терминов родства (Sifrisova 2000), содержащем как белорусские, так и литовские термины, включены в белорусский указатель, но отсутствуют в литовском указателе).

Учитывая наличие существенных различий между двумя белорусскими и одним литовским указателями в подаче терминологического материала, необходимо было каким-то образом унифицировать отбираемые для сравнения библиографические данные о белорусской и литовской терминологии, иначе результаты такого сравнения были бы некорректными в сопоставительном отношении. Нами было приня-

то решение «выровнять» данные из белорусских указателей по образцу литовского указателя:

1) для сравнения использовались данные о белорусских терминологических словарях, изданных в 1900–2005 гг. Недостающие в имеющихся белорусских указателях данные за 2003–2005 гг. «добирались» путем изучения содержания 36 выпусков «Кніжнага летапісу друку Беларусі» за указанные три года;

2) для сравнения привлекались данные только об отдельных (книжных) изданиях белорусских терминологических словарей.

Полученные в результате такой унификации библиографические данные по белорусской и литовской терминографии сравнивались далее по пяти указанным выше критериям. В частности, сравнение белорусских и литовских данных **по количественному критерию** дало следующие показатели: за указанный выше период (1900–2005 гг.) в виде отдельных книжных изданий были опубликованы 393 белорусских терминологических словаря и 501 литовский терминологический словарь.

Далее, сравнение исходных белорусских и литовских библиографических данных **по хронологическому критерию** позволило выявить существенные различия в динамике публикационной активности белорусских и литовских терминографов по десятилетиям (см. таблицу 1).

Таблица 1. Данные о динамике публикационной активности белорусских и литовских терминографов в 1900–2005 гг.

Разбивка рассматриваемого периода (1900–2005 гг.) по десятилетиям	Количество опубликованных белорусских терминологических словарей	Количество опубликованных литовских терминологических словарей
1901–1910 гг.	–	3
1911–1920 гг.	2	6
1921–1930 гг.	30	1
1931–1940 гг.	3	3
1941–1950 гг.	–	3
1951–1960 гг.	1	14

Продолжение таблицы 1

Разбивка рассматриваемого периода (1900–2005 гг.) по десятилетиям	Количество опубликованных белорусских терминологических словарей	Количество опубликованных литовских терминологических словарей
1961–1970 гг.	11	48
1971–1980 гг.	6	61
1981–1990 гг.	29	64
1991–2000 гг.	250	186
2001–2005 гг.	64	112

Из приведенных в таблице 1 данных видно, что динамика публикационной активности белорусских терминографов была весьма нестабильной от десятилетия к десятилетию: она то снижалась до нуля, то резко возрастала. Выявлены два десятилетия (1920-е и 1990-е гг.), когда происходили «залповые выбросы» белорусской терминографической продукции (в 1920-е гг. опубликовано 30 терминологических словарей, а в 1990-е гг. – 250). Именно в эти два десятилетия приоритетный статус белорусского языка, как языка титульной нации, имел соответствующую законодательную поддержку. В остальные десятилетия XX века, когда белорусский язык лишался законодательной поддержки своего приоритетного статуса, в издании отечественных терминологических словарей наблюдаются очевидные спады (публикация нескольких словарей за десятилетие) и даже настоящие провалы (полное отсутствие опубликованных словарей в течение десятилетия).

Совсем иная динамика публикационной активности просматривается на материале библиографических данных о развитии литовской терминографии. Данные показывают, что эта динамика была достаточно стабильной и позитивной, т. е. шел практически постоянный рост количества издаваемых терминологических словарей, без существенных спадов и провалов. В частности, в первом десятилетии XX века было опубликовано 3 терминологических словаря, во втором – 6, в третьем – 1, в четвертом – 3, в пятом – 3, в шестом – 14, в седьмом – 48, в восьмом – 61, в девятом – 64, в последнем десятилетии XX века – 186 и за 5 лет нынешнего столетия – 112, что при сохранении существующих

темпов издания терминологических словарей в Литве даст по итогам первого десятилетия XXI века более 220 словарей. Таким образом, начиная с середины прошлого века, в рамках литовской терминографии идет стремительное (от десятилетия к десятилетию) увеличение количества издаваемых специальных словарей, что полностью соответствует требованиям мировой научно-технической революции, начавшейся в 1960-е гг., а также требованиям мировой экономики знаний, формирование которой началось в 1990-е гг.

Существенные различия между белорусской и литовской терминографиями выявлены также в процессе их сравнения **по лингвистическому критерию**, т. е. путем определения языковой принадлежности терминов в сравниваемых белорусских и литовских словарях. В частности, языковая характеристика терминологического материала в обследованных белорусских словарях такова: из 393 изданных в течение указанного периода терминологических словарей 334 словаря включают русские термины, 288 словарей – белорусские термины, 38 словарей – английские термины, 31 словарь – латинские термины, 18 словарей – немецкие термины, 10 словарей – французские термины, 9 словарей – польские термины и т. д. В целом же опубликованные в Беларуси терминологические словари содержат термины на 32 славянских и неславянских языках.

Совсем иным языковым предпочтениям отдавался приоритет в процессе отбора терминов для литовских специальных словарей: из 501 имеющегося в Литве терминологического словаря 499 словарей включают литовские термины, 231 словарь содержит английские термины, 215 словарей – русские термины, 128 словарей – немецкие термины, 76 словарей – французские термины, 44 словаря – латинские термины, 19 словарей – польские термины, 13 словарей – итальянские термины, 12 словарей – испанские термины и т. д. Всего в литовских специальных словарях представлены термины на 27 языках мира. Таким образом, если в рамках белорусской терминографии явно доминирует тенденция к первоочередному (порой даже за счет терминов на языке титульной нации) переводу и толкованию русских терминов, то в рамках литовской терминографии опубликованные специальные словари, во-первых, в обязательном порядке включают термины на родном языке, а во-вторых, в относительно равных и соотносимых пропорциях содержат термины на основных языках наиболее развитых в научном

отношении стран мира, что обеспечивает литовским читателям, использующим эти специальные словари, доступ к большому объему научной информации, накопленной в разных странах мира.

Весьма интересные результаты дало сравнительное изучение библиографических данных о белорусской и литовской терминографиях **по типологическому критерию**, т. е. с учетом типов опубликованных терминологических словарей. Так, в рамках белорусской терминографии доминируют специальные словари следующих типов:

- 1) переводные словари (всего 267 названий), в том числе 201 двуязычный словарь и 66 многоязычных словарей;
- 2) учебные словари (всего 175 названий), в том числе 153 словаря для студентов и 22 словаря для школьников;
- 3) толковые словари (всего 136 названий);
- 4) энциклопедические словари (всего 31 название);
- 5) классификационные словари (7 названий);
- 6) глоссарии (4 названия) и другие типы специальных словарей. В числе последних – индексы, синонимические словари терминов, понятийные или концептуальные словари, исторические, иллюстрированные, фразеологические словари терминов, словари научных метафор, сокращений и т. п.

Типология литовских терминологических словарей выглядит несколько иначе. В частности, в рамках литовской терминографии доминируют специальные словари следующих типов:

- 1) переводные словари (всего 396 названий), в том числе 240 двуязычных словарей и 156 многоязычных словарей;
- 2) толковые словари (всего 223 названия);
- 3) учебные словари (всего 100 названий), в том числе 63 словаря для студентов и 37 словарей для школьников;
- 4) энциклопедические словари (всего 28 названий);
- 5) понятийные или концептуальные словари (27 названий);
- 6) индексы (11 названий);
- 7) электронные словари (5 названий);
- 8) классификационные словари (5 названий);
- 9) иллюстрированные словари (4 названия) и другие типы специальных словарей. В числе последних – фразеологические, словообразовательные, частотные, орфографические словари терминов, словари сокращений, неправильностей и т. п.

Таким образом, в рамках белорусской терминографии шире, чем в рамках литовской терминографии, представлены учебные словари (44% от общего количества терминологических словарей. Для сравнения: в рамках литовской терминографии учебные словари составляют только 20% от общего количества специальных словарей) и двуязычные словари (51,1% от общего количества словарей. Для сравнения: в рамках литовской терминографии двуязычные словари составляют 49,9% от общего количества). Зато в составе литовской терминографии больше толковых словарей (44,5% от общего количества словарей. Для сравнения: в рамках белорусской терминографии толковые словари составляют 34,5% от общего количества) и многоязычных словарей (30,1% от общего количества словарей. Для сравнения: в рамках белорусской терминографии многоязычные словари составляют всего лишь 16,5% от общего количества словарей). Столь высокий удельный вес многоязычных словарей в рамках литовской терминографии (каждый третий специальный словарь) объясняется просто: «число литовцев, изучающих иностранные языки, постоянно растет, поскольку каждый понимает, что знания одного литовского языка недостаточно для эффективной коммуникации в современном мире» (Subačius 2002: 12).

Наконец, сравнительное изучение белорусских и литовских терминологических словарей **по критерию их реестрового объема** выявило наличие определенных преимуществ у белорусских специальных словарей. К примеру, реестр двухтомного *Большого англо-русского политехнического словаря* М. В. Адамчика (2004) включает 280 тысяч слов и значений; реестр двухтомного *Русско-белорусского политехнического словаря* (1997–1998) содержит около 170 тысяч терминов; реестр двухтомного *Русско-английского словаря делового человека* В. Н. Янушкова, Т. П. Янушковой и А. А. Ченадо (1994) насчитывает около 80 тысяч экономических терминов. Перечень таких больших по своему реестровому объему белорусских терминологических словарей является достаточно длинным. Для сравнения: реестровая часть подавляющего большинства литовских терминологических словарей очень редко включает более 50 тысяч терминов.

Отмеченное выше преимущество белорусской терминографии (в сравнении с литовской) по объему реестровой лексики в специальных словарях, на наш взгляд, обусловлено близкородственным характером белорусского и русского языков, что позволяет белорусским терми-

нографам достаточно быстро и легко наращивать объем белорусской реестровой лексики в своих словарях путем заимствования, калькирования и даже транслитерирования недостающих терминов из весьма полных по своему реестру русских специальных словарей. Еще одной причиной издания в Беларуси больших по своему реестровому объему толковых (русскоязычных) и переводных (русско-иноязычных) терминологических словарей является подчеркнутая ориентация белорусских словарных издательств и фирм на необъятный книжный рынок России, где эти переводные словари из Беларуси достаточно быстро раскупаются. Косвенным следствием такой издательской ориентации становятся нередкие случаи, когда отдельные русскоязычные терминологические словари, опубликованные в Беларуси, по своему реестровому объему больше однотипных российских словарей. К примеру, пятитомный *Опыт исторического словаря русской лингвистической терминологии* М. Г. Булахова (Минск, 2002–2005) включает свыше 10 тысяч реестровых единиц, что значительно больше, чем в реестрах наиболее полных российских терминологических словарей по лингвистике: реестр *Англо-русского словаря по лингвистике и семиотике* под редакцией А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского (Москва, 1996) включает около 8 тысяч терминов, а реестр второго издания *Словаря лингвистических терминов* О. С. Ахмановой (Москва, 1969) содержит около 7 тысяч терминов.

ВЫВОДЫ

Если сравнивать белорусскую и литовскую терминографии не по отдельному критерию, а по всей совокупности выбранных нами критериев, то отмеченное выше преимущество белорусской терминографии по критерию реестрового объема опубликованных специальных словарей меркнет на фоне очевидных преимуществ литовской терминографии по четырем другим критериям сравнения (количественному, хронологическому, лингвистическому и типологическому). Иными словами, результаты проведенного нами сравнительного изучения белорусской и литовской терминографии самым очевидным образом свидетельствуют о том, что литовская терминография развивается более динамично и продуктивно, нежели белорусская. В пользу такого вывода говорит и наличие в Институте литовского языка хорошо укомплектованного научными кадрами Центра терминологии, а также издание на базе на-

званного института специализированного журнала *Терминология* (всего уже вышло 14 выпусков). К сожалению, в Беларуси до сих пор нет ни работающей на постоянной основе организационной структуры по изучению терминологии, ни регулярно издаваемого терминологического органа.

Аналогичный вывод (о достижениях как литовской терминографии, так и литовской лексикографии в целом) можно встретить в работах исследователей из разных стран мира. К примеру, в докладе ныне работающего в Белостоке (Польша) известного российского терминоведа С. В. Гринева-Гриневича «Лексикография и терминоведение», который был сделан им на заседании международной научной конференции *Лексикология и терминология: теория, практика и история*, посвященной 100-летию со дня рождения литовского лексикографа Йонаса Круопаса (23–24 апреля 2008 г., г. Вильнюс), выражено искреннее восхищение по поводу того, что литовским терминологом удалось малыми силами сделать очень многое в деле создания терминологических словарей. В свою очередь, рижский лингвист А. Вейсбергс в своей энциклопедической статье о литовской лексикографии отметил широкий тематический охват опубликованных в Литве терминологических словарей, к нескольким десяткам из которых имеется онлайн-доступ, и сделал вывод о том, что «литовская словарная картина является впечатляющей и неожиданно хорошо разработанной для небольшой нации с численностью 3,3 миллиона человек» (Veisbergs 2006: 285).

В заключение данной статьи хочется выразить уверенность в том, что результаты проведенного нами сравнительного изучения белорусской и литовской терминографий позволят терминоведам двух стран ближе познакомиться с достижениями в области составления белорусских и литовских специальных словарей, а также внести необходимые коррективы в свою терминографическую практику. Во всяком случае, для белорусских терминографов опыт, накопленный в рамках литовской терминографии, представляет бесспорный интерес и знакомство с ним послужит очевидным стимулом к совершенствованию их профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

- Gaivenytė-Butler J., Keinys St., Noreikaitė A. 2008: *Lietuvių kalbos terminų žodynai*, Vilnius.
Šifrisova F. 2000: *Giminystės terminai rusų kalba ir jų atitikmenys kitose kalbose*, Kaunas.

- Subačius G. 2002: *The Lithuanian Language: Traditions and Trends*, Vilnius.
- Veisbergs A. 2006: Lithuanian Lexicography. – *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Vol. 7, Amsterdam; Boston, 284–285.
- Кіпель В., Саўка З. 2002: *Беларускія слоўнікі й энцыклапедыі: Бібліяграфія*, Нью Ёрк; Менск.
- Михайлов А. А. 2000: Гуманитарное знание в меняющемся мире. – *Социология* 1, 9–15.
- Сандерс Д. 1995: Некоторые методологические соображения о сравнительных межгосударственных исследованиях. – *Международный журнал социальных наук* 9, 27–35.
- Чарняўская Л., Цыхун Г. 2000: *Тэрміналагічныя слоўнікі (асобныя выданні) 1918–1998 гг.: Бібліяграфічны даведнік*, Мінск.
- Щербин В. К. 2001: Сравнительное обществоведение в странах СНГ. – *Наука и образование на пороге III тысячелетия: Материалы международного конгресса*, Минск, 414–424.
- Щербин В. К. 2005: Белорусская и украинская терминологии: сравнительный анализ. – *Українська термінологія і сучасність: Зб. наук. праць*. Вип. VI, Київ, 26–31.

BALTARUSIŲ IR LIETUVIŲ TERMINOGRAFIJOS: LYGINAMASIS ASPEKTAS

Straipsnyje apžvelgiami pagal keletą kriterijų atlikto lyginamojo baltarusių ir lietuvių terminografijų tyrimo rezultatai. Nagrinėjami abiejų šalių terminografijų privalumai ir trūkumai. Išvadamis grindžiama būtinybė koreguoti dabartinę Baltarusijos terminografijos praktiką.

BELARUSIAN AND LITHUANIAN TERMINOGRAPHIES: COMPARATIVE ASPECT

The article considers the results of the comparative research of the Belarusian and Lithuanian terminographies according to a number of criteria. The advantages and drawbacks of each of the mentioned terminographies are analyzed. The necessity to introduce the amendments into modern Belarusian terminographic practice has been substantiated.

Gauta 2008-12-19

Вячеслав Константинович Щербин
Институт языка и литературы имени Якуба Коласа и Янки Купалы
Национальной академии наук Беларуси
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Республика Беларусь
Эл. почта: slavalex@mail.ru